

Кукуева Г. В. Комплексные приемы диалогичности в авторской речи рассказов-очерков В. М. Шукшина / Г. В. Кукуева // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 92—104. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-92-104.

Kukueva, G. V. (2019). Complex Techniques of Dialogicity in Author's Speech of V. M. Shukshin's Stories-Essays. *Nauchnyi dialog*, 2: 92-104. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-92-104. (In Russ.).

УДК 821.161.1Шукшин.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-92-104

Комплексные приемы диалогичности в авторской речи рассказов-очерков В. М. Шукшина

© Кукуева Галина Васильевна (2019), orcid.org/0000-0001-6140-690X, SPIN-code 5266-2334, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики, бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет» (Сургут, Россия), kupala@inbox.ru.

Рассматривается проблема диалогичности как конституционный принцип, организующий тексты малой прозы В. М. Шукшина. В качестве материала исследования представлены рассказы-очерки писателя, характерной чертой которых является переплетение очерковых тенденций с жанровыми признаками новеллы, анекдота и сценки. Объектом исследования служит авторская речь; предметом исследования — комплексные приемы диалогичности, функционирующие в речевой партии повествователя рассказов-очерков. Цель работы — проанализировать комплексные приемы диалогичности и определить их роль в авторской речи рассказов-очерков. Механизм диалогичности текстов В. М. Шукшина рассматривается на основе анализа отдельно взятой группы поэтических приемов, функционирующих в авторской речи рассказов-очерков. В качестве приемов собственно диалогического спектра в статье описаны диалогизация и цитация, представляющие собой структурно и семантически важные элементы, обусловленные коммуникативным заданием автора. Установлено, что функционирование приемов собственно диалогического спектра поддерживается синтактико-стилистическими приемами: парцелляцией, вставкой, лексическим повтором. Показано, что комплексное функционирование приемов ведет к формированию многоголосия внутри речевой партии повествователя, в результате чего утрачивается монособъектность повествования, свойственная жанровой форме очерка. Автор доказывает, что внутри авторской речи эксплицируются дополнительные нарративные звенья, погружающие читателя в полифонию голосов, различных точек зрения.

Ключевые слова: язык прозы В. М. Шукшина; рассказ-очерк; авторская речь; диалог; приемы диалогизации текста.

1. Введение

Литературное творчество В. М. Шукшина представляет собой сложно устроенный мир, в котором диалогически спаяны разные стилевые пласты и композиционно-речевые структуры [Василевская, 1994; Горн, 1981; Козлова, 1992; Куляпин, 2005; Mucha, 1979]. Диалог в рассказах писателя предстает не только как отдельно взятый компонент речевой композиции, но и как ключевой принцип поэтики, как сама форма динамического существования текста и погружения его в коммуникативное пространство читательской аудитории. Более того, именно диалог, по мнению самого В. М. Шукшина, ведет к пониманию сути рассказа: «Рассказ <...> должен увлекать читателя, рождать в душе его радостное чувство устремления вслед жизни или с жизнью вместе, как хотите <...>. Дела же человеческие, когда они не выдуманы, вечно в движении, в неуловимом вечном обновлении. И, стало быть, тот рассказ хорош, который чудом сохранил это движение, не умертвил жизни, а как бы «пересади» ее, не повредив, в наше читательское сознание» [Шукшин, 1991а, с. 364-367].

Таким образом, диалогическая форма определяет «развертывание динамической целостности собственного материка малой прозы писателя» [Горн, 1981, с. 221] и актуализирует проблему изучения механизма диалогичности художественного текста посредством выдвижения особой группы поэтических приемов — структурно и семантически важных элементов, обусловленных коммуникативным заданием автора.

2. Рассказы-очерки В. М. Шукшина как материал исследования

Рассказы-очерки в типологии малой прозы В. М. Шукшина занимают особое место. Очерковая линия в прозе писателя напрямую связана с работой В. М. Шукшина в сфере публицистики, о чем свидетельствуют его статьи, посвященные не только обсуждению эстетических проблем искусства, творческой лаборатории писателя, но и размышлению над морально-этическими проблемами общества. Шукшин-публицист ярко заявляет о себе еще во вступительной работе во ВГИК «Киты, или о том, как мы приобщались к искусству», в которой, как считает Дж. Гивенс, «уже проявились уникальные черты прозы В. М. Шукшина» [Givens, 1996, с. 18]. Позднее, описывая жанровые разновидности своих произведений, писатель выделяет как отдельное явление «правдивые», документальные рассказы.

Сюжетная линия рассказов, описание событий, поступков персонажей свидетельствуют о синкретичности жанровой формы текстов. Рассказы-очерки В. М. Шукшина «представляют собой тексты с архитектурной гибкостью воспроизведения жанровых признаков очеркового

повествования с приметами анекдота, сценки, новеллы» [Кукуева, 2007, с. 33]. Воссоздание действительности в текстах зависит от логики развертывания очеркового сюжета, призванного «пересадить» жизнь, «не повредив, в наше читательское сознание» [Шукшин, 1991б, с. 367], а также от прагматической установки на активную роль читателя [Шукшин, 1991а, с. 365]. В результате всего этого рождается диалогически устроенный художественный текст.

В художественном мире писателя рассказы-очерки представлены текстами: «Жил человек», «Залетный», «Кляуза», «Коленчатые валы», «Крепкий мужик», «Леля Селезнева с факультета журналистики», «Мастер», «Наказ», «Правда», «Сивый», «Узколобый» «Хмырь» и др.

3. Понятие «прием диалогического спектра»

На одно из ведущих мест в организации речевой композиции рассказов-очерков писателя «выдвигаются приемы диалогического спектра в их лингвистических характеристиках» [Деминова и др., 2004, с. 4]. Анализируемый материал свидетельствует о комплексном функционировании данных приемов на уровне авторской речи. Рассматриваемые приемы — это каркас, на котором зиждется диалогическая природа шукшинского текста. Приемы диалогического спектра определяются в работе как «субстанциональное преобразование речевого сегмента, сопровождающееся функциональным преобразованием и появлением у него в тексте новой значимости, обусловленной употреблением в *данном* тексте» [Чувакин, 2014, с. 85]. В основе организации данных приемов лежит способ цитации, понимаемый в широком бахтинском смысле как введение элементов чужой речи в иную среду и ее функциональное освоение в этой среде. Ведущими приемами диалогического спектра служат ди а л о г и з а ц и я и ц и т а ц и я .

Прием диалогизации заключается во введении в базовый нарративный слой (данным слоем может быть как авторская речь, так и персонажная речь при условии ее смыслового и композиционного доминирования в тексте) чужой субъектно-речевой сферы посредством конструкций с чужой речью, обладающих структурной и смысловой законченностью.

Прием цитации представляет собой внедрение в базовый нарративный слой отдельных вкраплений чужой речи, организующих несобственно-авторское повествование. Как правило, цитируемое чужое слово оказывается оторванным от исходного контекста и ситуации речи.

Под комплексными приемами понимается одновременная активность выдвижения нескольких приемов в том или ином фрагменте текста. Комплексное функционирование оказывает влияние на организацию компози-

ционно-речевой структуры текста, в частности, на такую субкатегорию, как авторская речь.

Цель данной статьи — проанализировать комплексные приемы диалогичности и определить их роль в авторской речи рассказов-очерков В. М. Шукшина.

4. Авторская речь рассказов-очерков В. М. Шукшина как объект исследования

Наше обращение к анализу авторской речи не случайно. В композиционно-речевой организации текстов малой прозы писателя наблюдается разрушение традиционного канона авторского повествования. Приемы диалогичности обеспечивают придание авторскому — монологическому, по определению, — слою свойств диалога как формы речевой коммуникации. «Семантика авторского слова рождается в точке пересечения нескольких субъектно-речевых сфер» [Кукуева, 2006, с. 43]. Голос автора обнаруживается не в прямых высказываниях повествователя, а в момент пересечения его со словесным рядом персонажей. Особым образом на организацию авторской речи в рассказах-очерках влияют комплексные приемы диалогического спектра.

В ходе исследования использована методика лингвистического анализа, позволяющая выявить и описать функционирование диалогических приемов в авторской речи. Данная методика сопряжена с элементами методики эвокационного сопоставления [Чувакин, 2014; Skalicka, 1963], опирающейся на идею В. В. Виноградова «о воспроизведении в тексте элементов языка, преобразованных по законам художественного мира» [Виноградов, 1963, с. 139]. Применение данной методики направлено на выявление функционально-семантических преобразований авторского повествования посредством работы приемов диалогического спектра.

Единицей анализа служит речевой сегмент, принадлежащий тому или иному говорящему субъекту (повествователю, герою). Сегмент характеризуется единством точки зрения субъекта речи, единством стилистического, грамматического и смыслового оформления. Границы между речевыми сегментами очерчиваются сменой речевого субъекта, что влечет за собой изменение в интонации, стилистике, грамматике. Как правило, смена речевого субъекта сопровождается графическими, синтактико-пунктуационными маркерами. Однако в речевой композиции рассказов В. М. Шукшина маркеры зачастую отсутствуют, что осложняет определение границ между речевыми сегментами, принадлежащими повествователю и персонажу, ведет к формированию такого явления, как синтаксическое слияние. Для

анализа комплексных приемов диалогичности были отобраны текстовые фрагменты авторской речи, характеризующиеся активностью выдвижения приемов собственно диалогического спектра в сочетании с синтактико-стилистическими приемами — парцелляцией, вставкой, лексическим повтором, эксплицитным выражением авторской точки зрения. Перейдем к анализу текстового материала.

5. Приемы собственно диалогического спектра в сочетании с парцелляцией

Парцеллированные конструкции представляют собой отрезки текста, нарушающие синтаксическую цельность и связность высказывания. Они разбивают текстовый фрагмент на куски, имитирующие устную речь: *Сегодня с утра Петя засобирался в гости. Вышел часов в десять, отоспался — свеженький. С ходу неловко присел несколько раз, помахал руками, крякнул, потом протяжно зевнул и пошел умываться к раковине. Умывался долго, фыркал, крутил пальцами в ушах, хлопал ладошками себя по загривку...* («Петя») [Шукшин, т. 2, с. 276].

В данном примере в состав собственно авторского повествования входят парцеллированные конструкции, расчленяющие единую синтаксическую структуру с однородными рядами сказуемых на фразы, — неполные предложения: *Вышел часов в десять <...> / С ходу неловко присел несколько раз <...> / Умывался долго, фыркал <...>*. Парцелляция дает возможность выделить группу глаголов, характеризующих ряд однородных действий персонажа, создать речевую экспрессию. При парцеллировании союзная связь заменяется на бессоюзную, в результате чего в авторском повествовании рождается эффект подражания устной разговорной речи, в которой фразы строятся не по предварительно обдуманной формуле, а по течению мысли. Концентрируя внимание на каждом глаголе, повествователь, словно в раскадровке, разворачивает перед аудиторией цепочку действий героя. Благодаря парцеллированным конструкциям создается не свойственный очерку эффект присутствия в описываемой ситуации как повествователя, так и читателя.

В примере: *Шурыгин, чтобы не слышать ее ворчанья, ушел в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, выпил. Закурил. «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется», — подумал. — Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу и пусть крапивою зарастает»* («Крепкий мужик») [Шукшин, т. 2, с. 233] парцеллят — глагол *закурил* — служит своеобразным сигналом переключения речевого регистра в область внутренней речи персонажа, вводимой в структуру авторского повествования

приемом диалогизации (то есть введением в речевую партию повествователя преобразованного чужого «слова» посредством конструкции с чужой речью): *К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, — подумал. — Ну и хрен с ними! <...>*.

Функционирование данных приемов разрушает четкую границу между речевыми партиями повествователя и персонажа, создается ощущение сиюминутности происходящего, читатель видит целостный эпизод, описывающий поведение и мысли героя. «Объективно-повествовательная» форма изложения, свойственная жанру очерка, диалогизируется, заменяется на полифоническое звучание авторской речи.

Парцелированные конструкции в сочетании с синтаксическим параллелизмом способствуют продуцированию стихии устной речи в речевой партии повествователя: *Двое стояли на тракте, ждали попутную машину. А машин не было. Час назад проехали две груженные — не остановились. И больше не было. А через восемь часов — Новый год. Двое, отвернувшись от ветра, топтались на месте, хлопали рукавицами... Было морозно* («Капроновая елочка») [Шукшин, т. 2, с. 106]. Авторская речь в данном примере воспринимается как преобразованная устная разговорная речь, обращенная к слушателю (собеседнику). Объективная манера повествования эксплицирует образ повествователя-наблюдателя, удаленного от героев и ситуации. Содержание партии сводится к констатации фактов, в описании героев отсутствуют индивидуальные характеристики.

6. Взаимодействие в авторской речи приемов собственно диалогического спектра в сочетании со вставкой

Прием вставки, оформленной графически скобками, способствует включению в основную конструкцию пояснительного элемента, вносящего в речевую партию повествователя добавочную информацию о событии или внешности героя: *Смотрел, смотрел Семка и заметил: четыре камня вверху, под карнизом, не такие, как все, — блестят. Подошел поближе, всмотрелся да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена восточная, и если бы он довел работу до конца, то при восходе солнца (оно встает из-за козогора) церковка в ясные дни загора-лась бы с верхней маковки и постепенно занималась бы светлым огнем вся, во всю стену — от креста до фундамента. И он начал эту работу, но почему-то бросил, — может, тот, кто заказывал и давал деньги, сказал: «Ладно, и так сойдет»* («Мастер») [Шукшин, т. 2, с. 183].

В приведенном примере наблюдается функционирование трех приемов: диалогизации, цитации, вставки. Собственно авторское повествова-

ние сокращено до уровня ремарки, оформленной свободной прямой речью (работа приема диалогизации). Ремарка — глагол восприятия *заметил*, свободная прямая речь — «*четыре камня вверх, под карнизом, не такие, как все, — блестят*». Далее ремарка — глагол восприятия *всмотрелся*, свободная прямая речь — «*да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену*». Чужое высказывание, воспроизведенное свободной прямой речью, сохраняет эмоционально-экспрессивную «физиономию» речи героя, что свидетельствует о нарушении очерковости повествования. При этом авторская точка зрения остается объективной: автор не оценивает, а лишь констатирует факты. Далее осуществляется переход в сферу внутренней речи героя с сохранением субъективно-модальной стороны чужого высказывания (прием цитации). Прием вставки комментирующего характера (*оно встает из-за косогора*) служит сигналом авторской реплики, направленной в сторону читателя. Благодаря данному приему читатель становится со-причастным к описываемой картине. Взаимодействие проанализированных приемов говорит об усилении нарративной функции персонажа и сокращении авторской речи.

Прием вставки при взаимодействии с приемами диалогического спектра ведет к разрушению монолитности собственно очеркового повествования. Данный процесс в рассказах-очерках представлен двумя вариантами: либо через организацию полистилизма авторской речи, либо через синтаксическое слияние субъектно-речевых сфер повествователя и персонажа.

Рассмотрим первый вариант: *И вот как-то, в покос тоже, пастух деревенский, слабый мужичонка, совсем ослаб, гоняясь за коровами, упал без сознания. Сколько он там пролежал, бог его знает, говорили потом — долго. Коровы тем временем зашли на клевер... Поздно вечером пригнал он их в деревню, раздувшихся, закричал первым встречным: «Спасайте, они клевера обожрались!» Что тут началось!.. Бабы завыли, мужики всполошились, схватили бичи и стали гонять коров по улицам. Беда пришла, стон стоял в деревне. Коровы падали, люди тоже задыхались, тоже падали. У Анисима был конь (когда Анисима определили обездным, ему дали из колхоза бывшего его собственного мерина Мишку); Анисим, видя такое дело, вскочил на Мишку и стал тоже гонять коров («Земляки»)* [Шукшин, т. 2, с. 130].

Синтаксическая организация приведенного текстового фрагмента наглядно свидетельствует о соединении в авторском повествовании разностилевых элементов. С одной стороны, мы видим наличие разговорных лексем оценочного характера (*мужичонка, завыли, всполошились*), высказываний «необозначенных» персонажей в форме свободной прямой речи

(говорили потом — *долго*), реплики героя, оформленной конструкцией с прямой речью: «Спасайте, они клевера обожгались!». С другой стороны, имеет место введение пояснительной конструкции, характерной для письменной формы речи: *когда Анисима определили объездным, ему дали из колхоза бывшего его собственного мерина Мишку*.

Рассмотрим второй вариант: *И решил Костя: не надо кричать, не надо суетиться, надо спокойно, железной рукой восстановить справедливость. Эти волосатики, правда что, собрались легко жить (почему-то он был уверен, что отец Антона какой-нибудь из этих, каких он часто видел во дворе с гитарой)! Самого Костю как-то миновало это поветрие — трясти космами и до одури брэнчать на гитаре, он спокойно презирал обтянутых парней, сторонился и следил только, чтобы у него с ними не случилось драки: волосатики ходили стадом и не стыдились бить кучей одного («Други игрищ и забав»)* [Шукшин, т. 3, с. 148]. Смысловая многослойность приведенного фрагмента речевой партии повествователя состоит в том, что между субъектно-речевыми сферами говорящих отсутствуют как графические, так и стилистические границы, что приводит к трудности понимания, чей именно голос звучит. Ремарка — глагол *решил* сигнализирует о смене речевого субъекта: речь персонажа репрезентируется конструкцией с необозначенной прямой речью, однако при этом сохраняется стилистика авторского слова. Далее представлено цитатное включение, переключающее повествование из сферы сознания автора в сферу сознания героя: *Эти волосатики, правда что, собрались легко жить*. Традиционно для такого рода переключения используется определенная форма передачи чужой речи, в данном случае нет никаких показателей ввода чужого высказывания, следовательно, здесь наблюдается синтаксическое слияние субъектно-речевых сфер. Вставная конструкция представляет собой пояснение, принадлежащее не голосу автора (как это свойственно художественной речи рассказов Шукшина), а голосу персонажа, оформленному косвенной речью: *почему-то он был уверен, что отец Антона какой-нибудь из этих, каких он часто видел во дворе с гитарой*. В результате синтактико-стилистических переходов и синтаксического слияния авторская речь в рассказах-очерках В. М. Шукшина теряет свою монолитность, становится пластичной.

7. Взаимодействие в авторской речи приемов собственно диалогического спектра в сочетании с лексическим повтором

Приведем пример, в котором реализуется прием лексического повтора: *Кузнец Филипп Наседкин — спокойный, уважаемый в деревне человек, бес-*

прекословный труженик — вдруг **запил**. Да и **не запил** вовсе, а так — стал прикладываться. Это жена его, Нюра Заполошная, это она решила, что **Филя запил**. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: **Филя запил**. И все решили, что надо Филю спасти («Залетный») [Шукшин, т. 2, с. 194].

В данном текстовом фрагменте наблюдается повтор одной и той же глагольной лексемы *запил* как знака многоканальной цитации: 1) лексема принадлежит речевому слою повествователя, характеризующему неожиданное происшествие *вдруг запил* и оценивающему поведение героя *не запил, а так — стал прикладываться* (то есть чуть-чуть выпивать); 2) звучит в косвенной речи, воспроизводящей речь жены: *она решила, что **Филя запил***; 3) представлена в конструкции свободной прямой речи, эксплицирующей точку зрения окружающих: *все решили: **Филя запил***. Стоит отметить особую функциональную нагрузку свободной прямой речи. Ее характерной чертой является размывание четких границ между субъектно-речевыми сферами повествователя и персонажей, оторванность чужого высказывания от исходной ситуации речи, что работает на создание диалогичности и полифонии авторского слова.

В ряде случаев лексический повтор в сочетании с диалогизацией как приемом собственно диалогического спектра способствует усилению субъективно-эмоциональной стороны высказывания: ***Хорошо!** Господи, как **хорошо!**.. Редко бывает человеку **хорошо**, чтобы он знал: вот — **хорошо**. Это когда нам плохо, мы думаем: «А где-то кому-то **хорошо**». А когда нам **хорошо**, мы не думаем: «А где-то кому-то плохо». **Хорошо** нам, и все («Земляки»)* [Шукшин, т. 2, с. 132].

Рассматриваемые приемы диалогичности в рассказах-очерках В. М. Шукшина могут быть маркерами различных ценностно-смысловых позиций, обращенных в сферу читательского восприятия: *Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, **выбрали председателем** колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались — не **молод** ли? Но потом за эту же самую **молодость** так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в **председатели**, стало даже неловко. Словом, **выбрали** («Наказ»)* [Шукшин, т. 3, с. 26]. Элементы чужой речи воспроизводятся в авторском повествовании с помощью цитатного вкрапления (за эту же самую **молодость** так принялись хвалить Григория) свободной прямой речи (*заколебались — не **молод** ли?*). Благодаря цитированию разных точек зрения, а также лексическим повторам, автор останавливает внимание читателя, заставляет его согласиться или не согласиться с предлагаемыми позициями.

8. Заключение

В ходе анализа текстового материала нами были выявлены и описаны комплексные приемы диалогичности, представляющие собой сочетание приемов собственно диалогического спектра (диалогизации и цитации) с парцелляцией, вставкой, лексическим повтором. Данные приемы играют ключевую роль в формировании смысловой и стилистической сторон речевой партии повествователя в рассказах-очерках В. М. Шукшина. Комплексное функционирование рассмотренных приемов свидетельствует о разрушении очерковой ткани повествования с единственным нарративным звеном — автором. Ставя в центр «дела человеческие», писатель дает возможность рассказать о них «словами» своих героев. Благодаря функционированию приемов диалогичности видоизменяется очерковое повествование. План персонажа разрушает четкие границы авторской речи: она теряет монолитность и становится пластичной. Автор говорит голосами героев или, напротив, отдает функцию наррации персонажу. В авторской речи рассказов-очерков наблюдается постоянное переплетение голосов автора и персонажей, что ведет рождению полистилизма, не свойственного изначально очерковому повествованию.

Таким образом, шукшинский очерк — это не одноплановая оценка событий со стороны автора, а история, рассказанная голосами повествователя и героев одновременно. Такое устройство речевой партии повествователя позволяет В. М. Шукшину воссоздать в рассказах-очерках невыдуманную, естественную правду жизни.

Источники

1. Шукшин — *Шукшин В. М.* Собрание сочинений : в 3 т. / В. М. Шукшин ; сост. Л. Федосеева-Шукшина ; предисл. С. Залыгина. — Москва : Молодая гвардия, 1984—1985. — Т. 1—3.
2. Шукшин, 1991а — *Шукшин В. М.* Как я понимаю рассказ / В. М. Шукшин // Я пришел дать вам волю : Роман. Публицистика. — Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1991а. — С. 364—367.
3. Шукшин, 1991б — *Шукшин В. М.* Проблема языка / В. М. Шукшин // Я пришел дать вам волю : Роман. Публицистика. — Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1991б. — С. 367—370.

Литература

1. *Василевская Л. И.* Типы речи и композиционно-речевые приемы в рассказах В. М. Шукшина / Л. И. Василевская // Творчество В. М. Шукшина : Поэтика. Стиль. Язык : труды Краевого Музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1994. — С. 79—98.

2. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1963. — 254 с.
3. *Горн В. Ф.* Характеры Василия Шукшина / В. Ф. Горн. — Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1981. — 248 с.
4. *Демидова М. А.* Диалогичность прозы В. М. Шукшина / М. А. Демидова, Г. В. Кукуева, А. А. Чувакин // Энциклопедический словарь-справочник. Филологическое шукшиноведение. Личность В. М. Шукшина. Язык произведений В. М. Шукшина. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2004. — С. 121—125.
5. *Козлова С. М.* Поэтика рассказов В. М. Шукшина / С. М. Козлова. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1992. — 184 с.
6. *Кукуева Г. В.* Авторская стратегия как одно из оснований типологического описания рассказов В. М. Шукшина / Г. В. Кукуева // Сибирский филологический журнал. — 2006. — № 1—2. — С. 40—48.
7. *Кукуева Г. В.* Рассказ-очерк В. М. Шукшина как синтетический художественно-речевой жанр / Г. В. Кукуева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2007. — № 8 (86). — С. 32—38.
8. *Куляпин А. И.* Творчество В. М. Шукшина : от мимезиса к семиозису / А. И. Куляпин. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2005. — 139 с.
9. *Чувакин А. А.* Смешанная коммуникация в художественном тексте : Основы эвocationsного исследования / А. А. Чувакин. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2014. — 138 с.
10. *Givens J.* Translators' Note / J. Givens // Vasily Shukshin, Stories from a Siberian Village. — De Kalb : Illinois, 1996. — 304 p.
11. *Mucha K.* Szukszyn — blizej do serca / K. Mucha // Kamena. — 1979. — № 23. — P. 5.
12. *Skalicka V.* Evokace jako problem jazyka a literatury / V. Skalicka // Slovo a Slovesnost. — 1963. — XXIV. — S. 12—25.

Complex Techniques of Dialogicity in Author's Speech of V. M. Shukshin's Stories-Essays

© **Kukueva Galina Vasilyevna (2019)**, orcid.org/0000-0001-6140-690X, SPIN-code 5266-2334, Doctor of Philology, professor, Department of Philological Education and Journalism, Budgetary Institution of Higher Education of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra "Surgut State Pedagogical University" (Surgut, Russia), kupala@inbox.ru.

The problem of the dialogicity as a constitutional principle that organizes the texts of short fiction by V. M. Shukshin is covered. The material of the study are the writer's stories-essays, which are characterized by intertwining the essay trends and genre characteristics of short stories, anecdote and scenes. The object of the research is the author's speech; the subject of the research is the complex methods of dialogicity functioning in the

speech part of the narrator of short stories-essays. The aim of the work is to analyze complex methods of dialogicity and to determine their role in the author's speech of stories-essays. The mechanism of dialogicity of V. M. Shukshin's texts is considered on the basis of the analysis of a separate group of poetic techniques functioning in the author's speech of short stories-essays. As the methods of the dialogic spectrum proper, the article describes the dialogization and citation, which are structurally and semantically important elements determined by the communicative task of the author. It is established that the functioning of the methods of the dialogic spectrum proper is supported by syntactic-stylistic techniques: parcelling, insertion, lexical repetition. It is shown that the complex functioning of the techniques leads to the formation of polyphony within the speech party of the narrator, as a result of which the monosubject of the narrative, peculiar to the genre form of the essay, is lost. The author proves that within the author's speech additional narrative links are explicated, immersing the reader in the polyphony of voices, different points of view.

Key words: language of V. M. Shukshin's prose; story-essay; author's speech; dialogue; methods of text dialogization.

Material resources

- Shukshin, V. M. (1984—1985). *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Shukshin, V. M. (1991a). Kak ya ponimayu rasskaz. In: *Ya prishel dat' vam volyu: Roman. Publitsistika.* Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatelstvo. 364—367. (In Russ.).
- Shukshin, V. M. (1991b). Problema yazyka In: *Ya prishel dat' vam volyu: Roman. Publitsistika.* Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatelstvo. 367—370. (In Russ.).

References

- Chuvakin, A. A. (2014). *Smeshannaya kommunikatsiya v khudozhestvennom tekste: Osnovy evokatsionnogo issledovaniya.* Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. (In Russ.).
- Deminova, M. A., Kukuyeva, G. V., Chuvakin, A. A. (2004). Dialogichnost' prozy V. M. Shukshina. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Filologicheskoye shukshinovedeniye. Lichnost' V. M. Shukshina. Yazyk proizvedeniy V. M. Shukshina.* Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 121—125. (In Russ.).
- Givens, J. (1996) *Translators' Note. Vasily Shukshin, Stories from a Siberian Village.* De Kalb : Illinois.
- Gorn, V. F. (1981). *Kharaktery Vasiliya Shukshina.* Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Kozlova, S. M. (1992). *Poetika rasskazov V. M. Shukshina.* Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. (In Russ.).
- Kukuyeva, G. V. (2006). Avtorskaya strategiya kak odno iz osnovaniy tipologicheskogo opisaniya rasskazov V. M. Shukshina. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal, 1—2:* 40—48. (In Russ.).
- Kukuyeva, G. V. (2007). Rasskaz-ocherk V. M. Shukshina kak sinteticheskoy khudozhestvenno-rechevoy zhanr. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye, 8 (86):* 32—38. (In Russ.).

- Kulyapin, A. I. (2005). *Tvorchestvo V. M. Shukshina: ot mimezisa k semiozisu*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. (In Russ.).
- Mucha, K. (1979). Szukszyn — bliżej do serca. *Kamena*, 23: 5. (In pol.).
- Skalicka, V. (1963). Evokace jako problem iazyka a litepatury. *Slovo a Slovesnost*, XXI: 12—25. (In pol.).
- Vasilevskaya, L. I. (1994). Tipy rechi i kompozitsionno-rechevyye priyemy v rasskazakh V. M. Shukshina. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Poetika. Stil'. Yazyk: trudy Krayevogo Muzeya istorii literatury, iskusstva i kultury Altaya*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 79—98. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika*. Moskva: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.).